

Увидев его, Хуан Сюлянь быстро подошла. Она казалась очень счастливой и смерила его взглядом с ног до головы.

— Сяои, столько лет не виделась, ты так вырос! — Заметив ребёнка у него на руках, который с любопытством смотрел на неё, её глаза тут же покраснели, а голос задрожал. — Это... это, должно быть, Сяоэр.

Цзян Сяои всё это время молчал. Он обошёл её и собрался уходить.

Хуан Сюлянь снова бросилась за ним, торопливо и взволнованно крича:

— Сяои, не уходи. — Догнав, она схватила Цзян Сяосаня, заставив Цзян Сяои остановиться.

— Что ты хочешь? — холодно спросил Цзян Сяои.

— Дети, — видя его недоброе лицо, объяснила Хуан Сюлянь. — Я просто хочу посмотреть на детей, ничего больше. У тебя на руках Сяоэр, а это Сяосань, верно?

Когда дети родились, их сразу же отправили в деревню Сяошань. Хотя Хуан Сюлянь за эти пять лет ни разу их не навещала, иногда, когда она бывала у матери, та вскользь упоминала о них, и Хуан Сюлянь знала, что детей зовут Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань.

Только что, когда Цзян Сяои выбирал ткань, Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, обнимая Бай Цзыму, сидели на ступеньках и ждали его. Хуан Сюлянь со второго этажа услышала их звонкий смех и с любопытством выглянула.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань были поразительно похожи на отца Цзяна. Хуан Сюлянь узнала их почти мгновенно — это были её сыновья.

Она замерла.

Сразу после того, как она отправила детей, она не чувствовала ничего особенного. Но с годами, когда в доме стало пусто и холодно, жизнь в городе оказалась совсем не такой, как в деревне. В деревне в свободное время можно было погулять, зайти в гости, поболтать с кем-нибудь. А в городе все жили за закрытыми дверями, никто никого не знал. Цю Дачжу целыми днями был на службе, и она, оставаясь одна, всё чаще и чаще скучала по детям.

Она думала, что если бы трое детей были рядом, в доме не было бы так уныло.

За эти годы Хуан Сюлянь не раз пыталась снова родить, но, несмотря на все её старания, две беременности закончились выкидышами. Врач сказал, что это из-за того, что в молодости она слишком часто пила противозачаточные отвары, и это повредило её здоровье.

В молодости, когда она, будучи беременной, вышла замуж за Цзян Аня, он хорошо к ней относился. Прожив с ним некоторое время, она почувствовала себя виноватой. Видя, как Цзян Ань любит детей, она решила родить ему ребёнка в качестве компенсации. После рождения Цзян Сяои интимные отношения продолжались, но больше детей она не хотела, поэтому втайне от Цзян Аня пила отвары.

Больше десяти лет она не беременела. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань были случайностью. Когда Цю Дачжу узнал об этом, он сказал, что готов растить их вместе с ней. Но когда дети родились, хоть и сморщенные, было нетрудно заметить, что они похожи на Цзян Аня.

Цю Дачжу счёл это дурным знаком и не захотел каждый день видеть детей, похожих на бывшего мужа своей жены, поэтому отправил их обратно.

Когда Хуан Сюлянь бывала у матери, та иногда рассказывала ей о детях. Услышав, что один из них слаб здоровьем, а у другого проблемы с головой, Хуан Сюлянь поняла, что это, должно быть, из-за того, что она пила отвар для прерывания беременности.

В то время она только начала жить с Цю Дачжу, и ребёнок был ей не нужен. Она не знала, почему, несмотря на выпитый отвар, беременность не прервалась. Но теперь она думала, что это, должно быть, навредило детям, иначе почему они родились такими?

Её мучило чувство вины, поэтому за все эти годы, хоть она и скучала по детям, она ни разу не осмелилась их навестить.

Только что, со второго этажа, её взгляд, должно быть, был слишком пристальным. Цзян Сяосань заметил её, посмотрел на неё некоторое время, а потом вдруг улыбнулся. Его глаза превратились в полумесяцы, а на щеках появились две сладкие ямочки.

В этот миг Хуан Сюлянь задрожала, в глазах зашипало, и ей показалось, будто что-то ударило её в сердце, причиняя невыносимую боль.

Она не должна была спускаться, но, увидев, что Цзян Сяои собирается уходить, она, не думая, бросилась за ним. Она слишком сильно скучала по своим трем детям.

Цзян Сяосань, которого она схватила, почувствовал боль и испугался. Он дёрнулся. Как только Хуан Сюлянь отпустила его, он тут же спрятался за Цзян Сяои и с недоумением спросил:

— Старший брат, кто эта тётушка? Зачем она меня схватила?

Бай Цзыму уже догадался, кто такая Хуан Сюлянь. Когда Цзян Сяосань, глядя ей в лицо, назвал её тётушкой, эти слова для неё, должно быть, были подобны смертельному удару, ранящему в самое сердце.

И действительно, едва Цзян Сяосань произнёс это, слёзы тут же хлынули из глаз Хуан Сюлянь.

— Я не тётушка, я твоя...

— Я тоже её не знаю, — холодно прервал её Цзян Сяои. — Пойдём домой.

— Сяои, — позвала Хуан Сюлянь. Видя, что он не останавливается, она хотела броситься за ним, но мамушка остановила её.

— Госпожа, господин скоро закончит службу. Пора возвращаться.

Хуан Сюлянь остановилась, её глаза блестели от слёз.

Мамушка, взглянув на неё, презрительно хмыкнула про себя.

Она пришла в дом Цю шесть лет назад, когда Хуан Сюлянь только сошлась с Цю Дачжу. Цзян Сяои тогда, по своей наивности, прибежал к ней. Она видела, как Хуан Сюлянь вышла и долго говорила с ним. Слишком далеко, чтобы слышать, но она видела, как Хуан Сюлянь, не обращая внимания на его плач, повернулась и ушла в дом. Цзян Сяои плакал навзрыд и тянулся к ней, но Хуан Сюлянь оттолкнула его и велела прогнать.

Примерно через два года Цзян Сяои пришёл снова, на этот раз просить денег. Он говорил, что нужно лечить младшего брата, а денег в семье нет, и он умолял одолжить немного, обещая всё вернуть. Он унижался до крайности. Её господин бросил ему двадцать вэней и велел убираться. В это время рядом стояла госпожа. Цзян Сяои посмотрел на неё, но, увидев, что та молчит, его глаза мгновенно потускнели.

Она до сих пор помнила, как жалко выглядел Цзян Сяои, сгибаясь и подбирая монеты.

После этого она больше не видела, чтобы Цзян Сяои приходил. И только через два года Цю Цуйцуй, вернувшись, обмолвилась:

— Мама, ко мне приходил младший брат просить денег. Ты не представляешь, он был в каких-то обносках. Мой муж спросил, кто это, почему я знакома с каким-то попрошайкой. Я даже не знала, что ответить, так стыдно было.

Мамушка, услышав это, была поражена. Она думала, что Цзян Сяои — какой-то деревенский родственник Хуан Сюлянь, который, видя, что та удачно вышла замуж, пытается примазаться и

поживиться. И только в тот момент она поняла, что Цзян Сяои — это гэ'эр, которого госпожа родила от предыдущего мужа.

Если это родной гэ'эр, как можно так поступать? Даже если вышла замуж снова, ребёнок перестал быть ребёнком?

Теперь, в старости, она скучает по детям. Но если бы знала, что так будет, зачем было так поступать? Сама виновата.

Не успела Хуан Сюлянь вернуться домой, как пришёл Цю Дачжу.

Он был крепким мужчиной, высоким, с квадратным лицом. Служил в ямэне, охранял тюрьму.

Жалованье у стражников было невысоким, но эта работа считалась более престижной, чем другие. Всё-таки есть хлеб казённый — это совсем другое. Поэтому, хоть он и не был настоящим чиновником, на улице простые люди не смели ему перечить, да и господа относились с уважением.

Цю Дачжу смог переехать из деревни, купить дом в городе и нанять прислугу не на одно только жалованье. Каждый раз, когда в тюрьму попадал новый заключённый, если он хотел жить в сносных условиях, его семья должна была дать взятку. Деньги на дом и слуг Цю Дачжу получил именно так.

Сейчас был обеденный перерыв. Служанка подала на стол. Хуан Сюлянь съела несколько кусочков, и Цю Дачжу в ходе разговора спросил, чем она сегодня занималась.

Хуан Сюлянь сказала, что ходила в мануфактуру, хотела купить ему ткань на новую одежду, присмотрела два отреза, но не знает, какой выбрать. Она описала узоры и цвета, прося его совета.

Цю Дачжу был нетерпелив. Выслушав лишь половину, он сказал:

— Ты сама решай такие вещи. Я в этих женских делах ничего не понимаю. У меня в ямэне ещё дела, я пошёл.

— Ты же только что со службы? Ещё не время. Почему опять уходишь? Не отдохнёшь?

Цю Дачжу направился к двери.

— Сегодня в ямэне много дел. Ты всё равно не поймёшь.

Хуан Сюлянь смотрела, как его спина исчезает за дверью, и почувствовала укол одиночества. Неизвестно, из-за встречи с детьми или по какой-то другой причине, но она невольно вспомнила отца Цзяна.

Цю Дачжу был грубым мужчиной. Пока они не жили вместе, она этого не замечала. Ей казалось, что он высокий, сильный, очень мужественный и надёжный человек, за которым можно быть как за каменной стеной.

Теперь, когда они стали жить вместе, она поняла, что он не очень-то заботлив и небрежен. Летом он мог три дня не мыться, а сняв обувь, ложился прямо на кан. Она говорила ему об этом, но Цю Дачжу лишь ворчал, что она прожила в городе всего несколько лет, ребёнка не родила, а завела кучу дурных привычек. Он ведь целыми днями сидит в тюрьме, а не в поле работает, с чего бы ему быть грязным, зачем мыться? Он был совсем не похож на Цзян Аня.

Если бы на его месте был Цзян Ань, он бы терпеливо выслушал её, а потом втайне накопил бы денег и купил ей то, что она хотела.

Тогда она мечтала о Цю Дачжу и устала от тяжёлой жизни, поэтому развелась и ушла к нему. Но сейчас, когда она ела мясо каждый день, ничего не делала, и хоть за эти годы не родила Цю Дачжу ни сына, ни дочери, он лишь изредка ворчал, но никогда не говорил о том, чтобы взять наложницу. Она должна была быть довольна, но почему-то не чувствовала себя счастливой.

Она отложила палочки, тихо вздохнула, её взгляд был пустым.

Цзян Сяои, вернувшись домой, занялся своими делами. Отправив Цзян Сяозэра и Цзян Сяосаня, он достал деньги и, подумав, всё же спросил у Бай Цзыму:

— Ты действительно не хочешь эти деньги?

— Не хочу, — ответил Бай Цзыму. — Слово не воробей, вылетит — не поймаешь.

— Тогда... я их забираю? — с надеждой спросил Цзян Сяои.

— Угу.

Цзян Сяои тут же расплылся в улыбке. Он хотел спрятать деньги в сундук, но, положив их, решил, что там небезопасно. Под подушку? Тоже не годится, слишком очевидное место. Он долго ходил по комнате с деньгами в руках, а потом, выпятив зад, полез под кровать.

Бай Цзыму, наблюдая за ним, не удержался от смеха, подошёл и пнул его по задку. Цзян Сяои не остался в долгу — вылез и ущипнул его за то же место.

Ночью, ложась спать, Бай Цзыму, потерпев немного, всё же не выдержал и ткнул Цзян Сяои в бок.

Тот перевернулся и посмотрел на него.

— Что такое?

— Что с твоим третьим братом, этим маленьким негодником? — сказал Бай Цзыму.

Цзян Сяои, кажется, не понял.

Бай Цзыму указал на свой нос.

— Почему у него постоянно текут сопли?

Цзян Сяосань не простужен и не кашляет, но сопли текут постоянно, и так много. Это явно ненормально.

— Вы водили его к вра... к доктору?

Цзян Сяои помрачнел.

— Водили.

— И что доктор сказал?

Цзян Сяои опустил глаза.

— Доктор Цзян сказал, что не знает, и посоветовал отвезти его в Фучэн.

Доктор Цзян не был великим целителем. С обычными головными болями и простудами он справлялся, но перед сложными случаями был бессилён.

Цзян Сяосань круглый год ходил с насморком. Цзян Сяои, конечно, знал, что с ним что-то не

так. Но ехать в Фучэн было не только далеко, но и очень дорого. Поездка на воловьей повозке туда и обратно стоила несколько десятков вэней. А плата за приём у врачей в городе-префектуре была ещё выше. Двоюродная бабушка бывала там и рассказывала, что тамошние доктора за один осмотр брали от ста вэней и больше. А ведь ещё нужно было где-то жить. Когда она ездила туда с двумя сыновьями, за семь дней потратила больше тридцати лянов серебра, и это только на лекарства. В гостинице они не останавливались, ночевали под чужими крышами.

Денег в семье не было, а Цзян Сяосань, кроме насморка, был здоров, как бык, и ел за двоих. Цзян Сяои решил, что когда накопит достаточно денег, тогда и отвезёт его в город-префектуру. Нельзя же всё время ходить с насморком. Но за эти годы он не смог скопить ни одного вэня. Едва заработав немного, он тут же относил деньги в Зал Цзиши.

Бай Цзыму подумал, что у Цзян Сяосаня, возможно, ринит. Но разве при рините бывает столько соплей? У Цзян Сяосаня они текли ручьями, как пиявки. Это было до ужаса страшно для медведя.

На следующий день, в обед, Цзян Сяои возвращался с гор. Погода была пасмурная. Проходя мимо поля старшего дяди, он увидел, что тётушка с мотыгой пропалывает грядки с бататом.

Многие в деревне держали свиней, но немного. Не потому, что боялись разбогатеть, а потому, что не могли себе этого позволить. В те времена не было кормов. Свиней кормили в основном травой, которую рубили и смешивали с отрубями. Поросёнок съедал по ведру в день, а через два-три месяца и одного ведра уже не хватало. Траву приходилось косить каждый день. Но травы в горах было не так уж много, а желающих — хоть отбавляй. Иногда можно было полдня проходить и не набрать и половины корзины.

Весной и летом ещё куда ни шло, но зимой некоторые виды травы переставали расти, и горы становились голыми. Чем кормить свиней, было непонятно. Не зерном же. Поэтому, хоть свиньи и приносили доход, никто не решался держать их много.

Большинство жителей деревни продавали свиней перед наступлением холодов, а весной покупали новых поросят.

У старшей ветви семьи была свиноматка, которую они держали для опороса и, конечно, не продавали. Каждый год они сажали много батата. Ботву можно было рубить и сушить, оставляя на зиму, когда травы не будет. А сам батат можно было есть или продавать на винокурню. В общем, всё шло в дело.

Их батат был посажен рано и уже вырос на полметра. Тётушка окликнула Цзян Сяои и велела ему нарвать листьев домой на еду. Сейчас они были молодые и нежные, в самый раз для варки.

Цзян Сяои не стал отказываться, нарвал две большие охапки и поспешил домой.

Цзян Сяоэр уже сварил кашу. Оставалось только приготовить овощи, и можно было обедать.

Раньше в доме не было масла, поэтому овощи в основном варили. Хотя Бай Цзыму и принёс целое ведро масла, Цзян Сяои каждый раз жалел его использовать. Видя, что тот и сегодня собирается всё варить, — налил в кастрюлю воды и уже хотел бросить туда листья батата, — Бай Цзыму не выдержал. Он положил бамбуковый побег и со вздохом сказал:

— Давай я.

Цзян Сяои замер.

— А?

— Давай я пожарю, — сказал Бай Цзыму.

Цзян Сяои долго молчал, потрясённый. Лопатка чуть не выпала у него из рук.

— Ты ещё и готовить умеешь?

Он думал, что Бай Цзыму умеет только варить рис.

Бай Цзыму смерил его презрительным взглядом. Кого этот гэ'эр недооценивает? Он, в конце концов, мужчина, который повидал жизнь. Из трёхсот шестидесяти профессий, кроме как чистить выгребные ямы, он не делал разве что этого. Чего он только не умеет?

К тому же, он был доставщиком еды! Почти три месяца развозил еду, и иногда, когда хозяин не справлялся, он сам становился к плите! Жарка, варка, тушение — всё это он делал с лёгкостью. А уж простое домашнее блюдо — вообще не проблема. Он мог приготовить его с закрытыми глазами.

— Иди, почисти мне чеснок. А я сейчас тебе покажу мастер-класс, чтобы ты увидел, что такое настоящая техника. Я тебе так скажу, я раньше на экскаваторе овощи жарил, — сказал Бай Цзыму, уперев руки в бока и хвастаясь.

Цзян Сяои молчал. «...»

Он послушно пошёл, почистил чеснок и вылил воду из кастрюли. Когда кастрюля нагрелась, Бай Цзыму взял ведро с маслом и с размаху начал лить его в кастрюлю.

Цзян Сяои вскрикнул.

Бай Цзыму от неожиданности вздрогнул, едва не уронив ведро в кастрюлю.

— Что такое?

— Ты... ты зачем столько масла льёшь? Это же расточительство! — сердце Цзян Сяои сжалось от боли.

Почти полмиски! Им бы этого на месяц хватило! Даже самый отъявленный транжира не посмел бы так лить.

Бай Цзыму прикрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Где много? Целая корзина овощей. Отойди в сторону, не пугай меня так.

Масло нагрелось. Он бросил в него чеснок, раздалось шипение, и по кухне тут же разнёсся аромат.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, сидевшие во дворе и игравшие с камнями, почувствовали запах. Их животы, и так уже пустые, заурчали. Они тут же бросили камни и побежали на кухню.

Цзян Сяоэр бегал медленно. Не пробежав и полуметра, он услышал удивлённый возглас Цзян Сяосаня. Он ускорил шаг и, добежав до двери, увидел Бай Цзыму, стоящего у плиты с лопаткой в руках. Он изумлённо вытаращил глаза и приоткрыл рот.

— Ого... — воскликнул и Цзян Сяоэр. — Мишка ещё и готовить умеет, какой он молодец!

— Точно, точно, — Цзян Сяосань, подняв руки, подпрыгнул и закричал. — Сяосань ещё не умеет, а Мишка уже умеет. Мишка такой молодец!

Эта похвала так взбодрила Бай Цзыму, что он готовил с удвоенной энергией.

Из целой корзины листьев батата получилась всего одна тарелка. Но поскольку отца Цзяна не было, а в доме был только один взрослый и двое детей, этого было достаточно.

Хотя, кроме масла и соли, ничего не добавляли, стоило им попробовать, как все трое замерли от удивления.

Цзян Сяоэр снова воскликнул:

— Ого! — Он придвинулся к тарелке и внимательно её рассмотрел. — Это листья батата? Почему они такие вкусные? И такие ароматные.

Он и раньше ел листья батата, но те, что готовил старший брат, были разваренными и безвкусными, совсем не такими. А в тарелке были именно листья батата! Почему они такие другие? Он почесал в затылке, находя это очень странным.

Бай Цзыму, сидевший на стуле и грызший бамбук, с гордостью выпятил грудь.

Цзян Сяои скривил губы. «Ещё бы. Столько масла и соли вбухать, как может быть невкусно?»

Тарелку опустошили дочиста. В конце Цзян Сяосань даже налил в неё каши, чтобы собрать остатки соуса. В соусе было масло, нельзя было его выбрасывать.

Насытившись, Цзян Сяосань с сожалением отставил миску. Погода, до этого пасмурная и грозившая дождём, прояснилась. Увидев, что Цзян Сяои варит отвар и не обращает на него внимания, Цзян Сяосань схватил маленькую корзинку, которую сделал ему отец Цзян, и побежал к дому старшего дяди. Он нашёл тётушку и сказал, что вечером он снова хочет есть листья батата, и можно ли ему нарвать ещё немного.

Он так спешил, что его личико покраснелось. У старшей и второй ветви семьи самые младшие дети были уже в возрасте девяти лет, а старшему, Цзян Даню, только что женился, и Чжан Дая ещё не была беременна. Детей в доме не было.

Жена старшего дяди очень любила детей и всегда радовалась, видя Цзян Сяозэра и Цзян Сяосаня. Сейчас она с улыбкой погладила его по животу. Животик Цзян Сяосаня был круглым, как мячик. Жена старшего дяди рассмеялась.

— Сколько мисок риса сегодня съел наш Сяосань?

Цзян Сяосань послушно поднял три пальца.

— Столько.

Жена старшего дяди улыбнулась.

— Сяосань у нас молодец. Ещё хочешь листьев батата?

— Угу, — кивнул Цзян Сяосань, радостно говоря. — Листья батата такие вкусные, Сяосань ещё хочет.

Раньше он их тоже ел, но никогда так не радовался. Жена старшего дяди не стала долго думать и, ущипнув его за щеку, сказала:

— Хочешь — рви. Не спрашивай, всё своё.

— Спасибо, тётушка.

<http://bllate.org/book/13701/1588257>